

Л.Е. АРТАМОШКИНА

*Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

ОНТОЛОГИЯ СЛОВА И ОРГАНИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

В статье рассматривается связь поэтического творчества и философской мысли в обращении к онтологическим основаниям культуры. Связь философии и поэзии понимается как проявление закономерности пути философии в XX веке. Автор обращает внимание на аналитику форм искусства в философской герменевтике, в частности, в работах Г.Г.Шпета.

Определяется понятие «энтелехия» как ключевое для методологических поисков Г.Г.Шпета в ракурсе проблемы связи языкового и культурного сознания.

Ключевые слова: слово, онтология, энтелехия, предельный опыт, органическая поэтика, герменевтика

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №16-03-00566-ОГН.

L.E. ARTAMOSHKINA

*Doctor of Philosophy, docent
Saint Petersburg State University*

WORD ONTOLOGY AND CONSTITUTIONAL POETICS

The article deals with one of the major methodological problem of the philosophy of culture – to substantiate unity of the collective and individual bases of culture and its principles to be embodied in creation. We define «entelechy» as main concept for Shpet's methodological searches. This aspect helps to see the connection between poetry and philosophy and behold ontological basis of culture.

Keywords: word, entelechy, ultimate experience, organic poetics, hermeneutics

The work has been done by the support of the grant of RFFI №16-03-00566-OGN.

Онтологическая укорененность поэтического слова, соотнесенность слова и культуры давно вошли в сферу размышлений как философии, так и богословия, филологии. Особенно внимание к бытийственному статусу поэтического слова проявляется вновь в XX веке. Можно связывать определенные «повороты» внутри философии с обращением к размышлениям о слове в поэзии, о сущности языка, сохраняющегося внутри поэтического пространства. Не таким ли, например, был поворот М.Хайдеггера (Kehre)? Или философские штудии Г.Г.Шпета одновременно с мощным исследовательским проектом ГАХНа в содружестве с поэтами рождающиеся – не

выявляют ли они существенно важное для нашего понимания наследства XX века, нам доставшегося и нами проживаемого? Может быть, в этом проявление одной из глубоких закономерностей путей философии XX века?

Истоки размышлений о природе Слова и его связи с культурой мы находим в культурфилософской мысли 20-х годов XX века, обращенной к универсальным основаниям культуры, в художественном творчестве, в текстах прозы и поэзии. Революция, борьба с традициями, динамика повседневности с её футуристической устремленностью обусловили обращение к языку, к природе слова как единственно подлинным хранителям культурного наследия. Язык теперь мыслится не только как социальная, но как универсальная культурообразующая сила. Ситуация предельного опыта обнажила в природе Слова то, что позволяет ему быть энтелехией культуры – его онтологическую укорененность. Философская, теоретическая мысль, художественная практика 20-х годов XX века обнаруживали характер связи слова и культуры, языка и памяти, звука и смысла – все эти разноразличные связи обнажали главную способность языка и слова – быть хранителями культуры.

Неслучайно в работах 20-х годов Г.Г. Шпет обращается к понятию «энтелехия» именно в связи с поиском методологических оснований для эстетики, для аналитики различных форм искусства, стремясь обнаружить характер связи индивидуального и коллективного начал в творчестве, в культуре. Принцип коллективности, становящийся в очевидности самой повседневности идеологией нового советского государства, Шпет делает предметом философской мысли, научных штудий. В этом свободном философском поиске заключался глубокий диалог с пост - революционной эпохой.

Понятие «энтелехия» у Шпета связано с герменевтическим поворот в феноменологии. Уже в работе 1916 г. «Явление и смысл» Шпет, определяя главные направления, разрабатываемые феноменологией, подчеркивает необходимость прояснения вопроса: как мы выражаем наше знание. Вопрос, который «спасает» и познание и живое чувство жизни, поставлен Шпетом так: «*Как становится логическое понятие орудием жизни, а не уничтожения ее?*» [5, с.106]. Выход в пространство культуры и истории европейского человечества, обращение к универсальным основаниям этой целостности связан с проблемами языка, языкового и культурного сознания. «Именно исследование вопроса о природе социального бытия приводит к признанию игнорируемого до сих пор фактора, который только и делает познание тем, что оно *есть*, показывает, *как* оно есть...» [5; С.111]. Смысл не есть что-то абстрактное, он «*внутренне присущ самому предмету, его интимное*» [5; С.131]. Из этого «интимного» как из центра предме-

та «исходят все нити его конституции» [5; С.147]. Этот «внутренний смысл», или энтелехия, и является интимно-внутренним самого предмета, является его «душой». Энтелехия выступает там, где мы имеем явление мира социального, мира человека и его смыслов. Сопоставляя секиру и песчинку в их естественной установке («Явление и смысл»), можно убедиться в различии их сущности: первая имеет «внутренний смысл» (=энтелехию), вторая не имеет. «К сущности социального относится иметь цель, т. е. обладать энтелехией...» [5; С.172]. Шаг в сторону мира социального приводит Шпета к размышлениям о природе языка/слова, о глубинных связях слова и предмета, к «внутренней форме слова» (работа «Внутренняя форма слова» выходит в 1927), к миру культуры и народа («Введение в этническую психологию», 1926, а еще раньше – в 1916, в дневниках: эту связь, направление мысли Шпета, выраженные в дневниках, отмечает Т.Г.Щедрина).

Понятие энтелехии перекидывает мост между явлением и действительностью, словом и предметом. Из мира социального мы возвращаемся к человеку, в конкретности и осмысленности его жизни, в его *усилии* прожить осмысленно и в осмысленном мире. «Бытие есть бытие не только потому, что оно констатируется, но оно должно быть и оправдано, но это оправдание не в законах его, а в его осмысленности...» [5; С.181]. Быть значит иметь смысл.

В рамках этнической психологии Шпет обнаруживает связь между языком, как проявлением творящего духа коллектива, и понятием народа. Народ и является таким «коллективом», который беспрестанно творит свое единство и обнаруживает свой дух в жизни языка. Дух объективируется в выражении. Поэтому Шпет указывает, что понятие «выражение», важное для этнической психологии, раскрывается в работе о внутренней форме слова. Примечательно, что эта работа, «Внутренняя форма слова», выходит после «Введения в этническую психологию»: слово в природе своей связывается с характером народа, его психологией. Язык, по мысли Шпета, определяет все другие формы выражения в культуре народа (наука, искусство, политика). При этом и сам язык переживается как социальное явление данным народом в данное время, «сюда относится смена «представлений» и чувств, связанных просто со словом и его значением... язык... является... прототипом и репрезентом всякого выражения, прикрывающего собою значение. В этом своем семантическом качестве язык и является таким объектом, принципиальное обсуждение которого a priori (по преобладающему признаку) имеет силу для других форм и видов выражения» [6; С.63].

Понятие энтелехии, или внутренней формы, у Шпета разворачивается в сторону вопроса – что есть «внутренние формы» культуры? Как они об-

разумеются? Единство культуры, социальной сферы и искусства, законов, управляющих ими, определяются, по Шпету, их творческим характером. Ошибка наша в том, что мы науку, социальные явления отправляем в сферу прагматики. Мы не видим творческого характера самого прагматического сознания. Прагматическое сознание, себя осуществляющее в плоти социального мира, осуществляется как «произведение», поскольку человек творит себя, смыслы своей жизни. Возможность такого восприятия лежит в природе языка, в его социально-культурном единстве. «Язык прообраз всякого культурно-социального феномена» [6; С.439].

Язык определяется как духовная способность силы, «вспыхивающей во всей своей цельности, но в определенном направлении» [6; С.336]. Язык как «сила» обнаруживает свое «энергичное» начало, Шпет подчеркивает устойчивость такого понимания в философской традиции: «для Гумбольдта было величайшим откровением, что язык есть энергейя» [6; С. 348]. В обнаружении энергичного начала языка Шпет приходит к теме культурного сознания и предлагает для философии языка базовый принцип, суть которого в том, что «рассмотрение языкового сознания всегда и необходимо ориентируется на последнее его единство, которое... есть не что иное, как единство культурного сознания. Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т. д., – не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка в этом смысле есть принципиальная основа философии культуры» [6; С.351]. Проясняя характер связи энтелехии и культурного сознания, можно выявить основания типа культуры, обусловленного этой связью. Определение культурно исторического типа основывается на выявлении общего характера представлений, присущих этому единству (культурно-историческому типу). Коллективные представления возникают как проявление энтелехии культуры, выражая «установку» воспринимающего сознания.

В 1921-1923 гг. Шпет обращается к проблемам эстетики, которым посвящает «Эстетические фрагменты». Размышления над связью человеческого бытия и познания, рассмотрение взаимосвязи слова и культуры приводят Шпета к исследованию чувственного впечатления в смысловой структуре слова. Здесь появляются идеи о структурности языка и культуры, о структуре как целостности. «Эстетические фрагменты» Шпета позднее послужили выработке направлений в исследованиях членов ГАХН (об этом можно подробнее узнать также из публикации, подготовленной Т.Г.Щедриной – см. Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма. М., 2012). В «Эстетических фрагментах» Слово рассматривается как явление природное, но также как факт и «вещь» культурно-социального мира. Связывая природу слова с актом восприятия и пред-

ставления, Шпет обращается к слову как единству слова-вещи (слово как эмпирическая, чувственно-воспринимаемая вещь) и слово как интеллектуальная данность, предмет.

Остановимся на различии Шпетом «вещи» и «предмета», или вещного, предметного слоев в единой структуре слова. Вещь-слово – это действительная, реально существующая вещь, реальное действие, свойство («слово как средство, орудие в его номинативной функции есть просто чувственно-воспринимаемая вещь») [7; С.33]. Слово-предмет – это слой в структуре слова не чувственного, а умственного, интеллектуального восприятия, его идеальное наполнение. «Предметы – возможности, их бытие идеальное...предмет может быть реализован, наполнен содержанием, овеществлен, и через слово же ему будет сообщен также смысл, он и есть формально образующее этого смысла... Предмет есть объект и субъект вместе...Сфера предмета есть сфера чистых онтологических форм, сфера формально-мыслимого». Для понимания Слова как энтелехии культуры важны два момента на этом этапе анализа работы Шпета. Первый: Слово у Шпета рассматривается как единая и органическая структура; второй: в предметном уровне Слова усматривается форма, таящая в себе смысловое ядро. Приведем один яркий пассаж из текста, в образности своей воплощающий и отчасти резюмирующий суть размышлений Шпета: «Безсловесная мысль – это патология; это – мысль, которая не может родиться, она застряла в воспаленной утробе и там разлагается в гное...Слова – не свивальники мысли, а её плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало, – мысль зачинается в слове». [7; С.43]

К понятию «структура» Шпет обращается в 1920 году, выступая в Московском лингвистическом кружке, а далее в «Эстетических фрагментах» рассматривает слово как структуру, что позволяет выявить характер связи слова и культуры. В понятии структуры подчеркивается её потенциал, позволяющий открыть внутреннюю сущность целого, структуру жизненной взаимосвязи. Для Шпета важным оказывается, что В. Дильтей применяет понятие структуры к области искусства. Искусство обнаруживает взаимосвязь индивидуального творчества с социальным миром, характер целеполагания, обусловленный миром культуры и его воплощение в творчестве художника, в своеобразии применяемых им средств. Таким образом, взаимное соотнесение понятий форма/структура/энтелехия позволяют определить характер герменевтического поворота Шпета и принцип герменевтического подхода к исследованию культуры. Особенное значение имеет для Шпета анализ структуры исторического мира, направленность которого была задана Дильтеем.

В свете нашей темы необходимо отметить еще один сюжет, развиваемый Шпетом именно после установления связи слова и мысли, слова в

единстве его вещного и предметного слоев, слова как живой органической структуры, а именно переход от внутренних логических форм слова к внутренним дифференциальным формам языка, т.е. к формам поэтическим. Эти внутренние поэтические формы позволяют говорить и об особом роде истины – истине поэтической, и об особой связи мысли со звуком. Здесь Шпет в характере построения самого высказывания Слово определяет как образ, Слово и есть образ. «Внимание к «отдельному слову» или «образу», сосредоточение на них (в особенности со стороны поэта, лингвиста, логика), обнаруживает тенденцию актуализировать потенциальную силу слова». [7; С.69]. Переходя к характеристике поэтики как части философии искусства, определяя поэтический предмет как предмет реальный, Шпет выделяет символизм как существенный признак всякой поэзии. Символика же поэтическая является фундаментом всей эстетики слова, которая, в свою очередь, выступает как учение об эстетическом сознании.

В конце «Эстетических фрагментов» Шпет сводит воедино два первоначально разведенных в структуре Слова слоя: социальный и естественный. Именно как выразитель душевных волнений Слово выступает в своей «естественной» ипостаси, выражает душевное и физическое состояние говорящего. Для понимания энтелехийной природы Слова, думается, важно обнаруживаемое Шпетом единство звукового, психофизического и символического, интеллектуального слоев его единого организма. Разум нуждается в своей деятельности в чувственных образах, сохраняемых телесной субстанцией. Не случайно Аристотель отметил связь между движениями/жизнью тела и деятельностью души (причем не только в отрицательном смысле влияния тела на душу). Тело является условием для душевной жизни, поэтому душа – энтелехия тела. Слово же в своей онтологической укорененности есть воплощенный образ, образ обретающий плоть, т.е. телесно-духовное единство, что обуславливает энтелехийную силу слова в культуре.

Идеи Шпета развиваются при участии поэтов. Так, Московскому лингвистическому кружку, в котором обсуждались идеи Шпета, были близки О.Мандельштам, Б.Пастернак; в нём фонология Р.Якобсона обретает свои очертания в процессе участия в совместной работе, дискуссиях и поисках, в художественном творчестве. Так, поэтика Мандельштама – поэтика, как он сам определял её в статьях 20-х годов, органического, саморазвивающегося слова, – складывается внутри этого поля размышлений. Характере работы поэта со словом оказывался подтверждением многих догадок Якобсона. Органическая поэтика выявляет смылосодержательные потенции звука. Звук может быть источником стихотворного сюжета. Для поэта именно язык и слово являются непосредственными фактами исторической дей-

ствительности, укоренены в ней. И вместе с тем, сама история укореняется в языке, слове. Жизнь языка – сфера самостоятельного бытия. «Государство языка живет своей особой жизнью» [3; С.348]. Какие же качества языка, слова делают его категорией «бытийственной»? Слово, по мнению Мандельштама, приходит из недр речевого сознания, всякое слово изначально, по природе своей, – образ; функция слова – менее всего функция назывательная. «Самое удобное, и в научном смысле правильное, рассматривать слово, как образ, то есть словесное представление» [3; С.255]. Уже до нашего произношения слова оно существует «в лоне общей материнской стихии языка» [3; С.340]. Язык представляется некоей живой, органической материей, способной к саморазвитию. Язык «обладает тайной свободного воплощения», он – «говорящая плоть» [3; С.245]. Каждое слово уже образ, «словесное представление». Представления же, в свою очередь, наделены объективным бытием. Мандельштам идет дальше по этому пути: «Представления можно рассматривать не только как объективную данность сознания, но и как органы человека, совершенно также точно, как печень, сердце» [3; С.256]. Поэтому следующий шаг – создание органической поэтики. Поистине «как мы дышим – так и пишем». Можно говорить о поэтике, «обладающей словесными представлениями как своими органами» [3; С.257]. Показательно соседство статьи «О природе слова» (1922) со статьей «Заметки о поэзии» (1923), где в этой связи уже не кажется странным замечание Мандельштама по поводу поэзии Пастернака: «поэзия Пастернака... прямое следствие особого физиологического устройства горла... Стихи Пастернака прочитывать – горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть полезны от туберкулеза» [3; С.264]. Таким образом, вся область «словесных представлений» является областью, равнозначной материальному бытию. В этой системе существенное место занимают представления о взаимонаправленной связи между сферой «словесных представлений» и человеком, его жизнью. Мандельштам выделяет общую тенденцию, подчеркивающую справедливость этого утверждения. Она сказывается в процессе очеловечивания науки, в создании поэтики, в центре которой стоит «человек, не сплюснутый в лепешку лже-символическими ужасами, а как хозяин у себя дома» [3; С.257]. Все это было связано с определенным взглядом Мандельштама на характер движения культуры и, в конечном итоге, – на историю.

Мысль, пребывающая в сфере поэтического творчества, вырвалась на простор широких историософских построений. Критические статьи 20-х, включая и работу 30-х годов «Разговор о Данте», органически связаны, едины концептуально. Поэзия сохраняет «язык нации». «Долг поэта как поэта лишь косвенно является долгом перед своим народом, прежде всего, это долг перед своим языком: обязанность, во-первых, сохранить этот

язык, а во-вторых, его усовершенствовать и обогатить само это чувство, делая его более осознанным... Он может побудить своих читателей осознанно пережить вместе с ним новые чувства, ранее остававшиеся им неизвестными» [3; С.293]. Таким образом, являясь хранителем живого языка, поэт изменяет сам характер восприятия действительности. Эти отношения поэта с языком напрямую связаны с процессом возникновения образа (в качестве образа, т. е. определенного единства, выступает и само произведение): первоначальное «переживание», возникшее в единстве чувственно-эмоционального и интеллектуального начал, опускается в сознание автора, своеобразный «скудельный сосуд», где возникает новое единство – художественный образ. Этот образ объективируется, входит в идеальную упорядоченность, какой является «культурный текст». Так произведение приобретает самостоятельное бытие, образ являет свою культуртворческую силу, воплощаясь в словесном «организме».

Каждое слово в стихотворении творит образы, т. е. наделено определенной мифотворческой энергией. «Всякий период стихотворной речи – будь то строчка, строфа, цельная лирическая композиция – необходимо рассматривать как единое слово... Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны... говорить – значит всегда находиться в дороге» (Разговор о Данте) [3; С. 374]. Таким образом, размышления о природе слова, языка составившие содержание теоретических статей Мандельштама 20-х годов придавали окончательность, ясность тому пути, который еще ранее определялся в сфере поэтической. Творческие принципы становились объектом теоретического осмысления. В сборник «Тристии» вошли стихотворения 1916-1920 гг., в феврале 1922 г. была опубликована статья «О природе слова», а в августе того же года вышел из печати и сборник. Каждый элемент языка оказывается живой клеткой живого организма, способной к развитию. Одним из источников энергии единого смыслового поля в книге «Тристий» является поэзия Пушкина. Так, еще Ахматова указывала, например, что строчка «И вчерашнее солнце на черных носилках несут», в стихотворении 1920 г. «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы», – это Пушкин. Пушкинской поэзии, времени Пушкина составляли своеобразный «плодородный слой» книги. В стихотворении «что поют часы – кузнечик» источником нового образа стал звук «Ш» из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» Пушкина: «Жизни мышья беготня.../ Что тревожишь ты меня? / Что ты значишь, скучный шепот?» прямо соотносятся со строками Мандельштама:

*Что поют часы – кузнечик,
Лихорадка шелестит,
и шуришит сухая печка –*

Это красный шелк горит.
Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно.

Звук «Ш», повторяющийся у Пушкина, выполняет дополнительную смысловую нагрузку, у Мандельштама он преобразуется в образ «шелестящей лихорадки», «шуршащей печки», а последние две строчки – перифраз Пушкинской строки: «Жизни мышья беготня...».

Именно в творчестве Мандельштама получила свое идеальное воплощение установка акмеизма на составление фрагмента «мирового поэтического текста». «Принцип связи системы является определяющим, так как только явления, рассмотренные во внутренней связи, в системе могут спасти принцип единства в вихре перемен и безостановочном потоке явлений» [3; С.242]. Вот почему вслед за Бергсоном Мандельштам отказывается рассматривать явления в свете проблемы причинности. Справедливо высказывание Мандельштама в статье «Литературный стиль Дарвина» и по отношению к нему самому: «Конечно, стиль натуралиста – один из главных ключей к его мировоззрению. Так же как глаз, его манера видеть – ключ к его методологии» [4; С.368]. Все элементы поэтической системы Мандельштама взаимосвязаны, взаимоопределяемы. Взаимоопределяют друг друга поэзия и статьи, также едиными концептуально и стилистически оказываются статьи Мандельштама разного периода. Наглядней всего «синтетический» (определение Мандельштама) подход Мандельштама выразится в статье «Разговор о Данте». Но уже в статьях 20-х годов Мандельштам определяет в качестве главного и плодотворного для науки принципа – принцип связи, а в качестве общего критерия – критерий единства. Все это и воплощается для Мандельштама в языке народа, нации. Следующим, вытекающим отсюда, положением является представление о равноправии природной действительности и действительности языка («государство языка живет своей особой жизнью» [3; С.348] и действительности искусства. Язык, по Мандельштаму, это органическое тело («говорящая плоть»). Каждое слово есть изначально образ, «словесное представление», в качестве такового оно существует в до-предметной сфере, в «лоне общей материнской стихии языка и поэзии» [3; С.340]. Это в свою очередь обеспечивает нерасчленимое единство формы и содержания. Таким образом, язык, слово – это сложный комплекс явлений, связь, «система». Представления (т. е. и словесные представления), или «продукты нашего сознания», равнозначны продуктам внешнего мира, так же «объективны».

Онтологический статус языка раскрывается А.Ф.Лосевым в работах 20-30-х годов («Философия имени», «Вещь и имя»). Лосев строит феноменологию мышления, определяя место образного представления: «Если ощу-

щение – осознание раздражения, восприятие – осознание ощущения, то *умственный образ* – осознание восприятия. Чтобы иметь образ чего-нибудь, необходимо уже сознательно отделять себя от иного... Образное представление свойственно лишь такому субъекту, в котором интеллигенция созрела не только до нахождения себя как иного себе, но – главное – и до понимания своей самостоятельности в отношении иного... Образное представление есть различающее знание и иного и себя. Это – различающее нахождение себя и как иного себе и как себя самого» [2; С.671]. Образное представление рассматривается как необходимая ступень мышления, выше которой само мышление.

Лосев находился в том кругу проблем и мыслей, которые были откликом/ответом/вызовом эпохе. В примечаниях 1927 г. к «Философии имени», написанной четырьмя годами ранее, Лосев обозначает как вектор своих дальнейших размышлений «вопросы языковые», примечания действительно показывают направление мысли автора. Но для нас важны определенные отсылки Лосева: к работе Шпета «Введение в этническую психологию», вышедшую в том же 1927 году, к еще более ранней работе Шпета – «Явление и смысл» (1914). Сейчас мы опускаем подробный разбор и сопоставление подходов Лосева и Шпета. Важно другое – то общее в направлении их поисков, что обращает их к языку, слову, «энергийному» в них, что одновременно являет себя как непреложная и неуничтожимая «природа» языка и слова, воплощаемая и сохраняемая, прежде всего, делом поэта. Точно, на наш взгляд, обозначает общее лоно, питавшее подобные устремления философов, В.В. Библихин: «То творческая религия начала века» [1; С.258].

ЛИТЕРАТУРА

1. Библихин В.В. Энергия. – М.: Институт философии, теологии и истории св.Фомы, 2010. – 488 с.
2. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1993. С.671
3. Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах. Т. II. – М.: ТЕРРА, 1991. – 730 с.
4. Мандельштам О. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. – Тбилиси: Мерани, 1990. – 415 с.
5. Шпет Г. Явление и смысл. – Томск, 1996. – с. 227
6. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. – СПб: Алетейя, 1996. – 154 с.
7. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 136 с.

TRANSLIT

1. Bibihin V.V. Jenergiia (Energy). – Moscow, 2010. – 448 p.
2. Losev A.Ph. Filosofija imeni (Philosophie of name). – Moscow, 1993. 671p.
3. Mandelstam O. Sobraniyesochineniy v 4 vol. (Collection of writings in four vol. Vol. IV- Moscow, Tena, 1991. 730p.
4. Mandelstam O. Stihotvoreniija. Perewodi. Ocherki. Statiji. (Poemes. Translations. Sketches. Articles – Tbilisi, Merani, 1990. 415 p.
5. Shpet G.G. Javlenije i smisl (Phenomenon and meaning). – Tomsk, 1996. 227 p.
6. Shpet G.G. Vvedeniije v etnicheskujju psichologiju (Introduction in ethnic psychology). – S. Petersburg, 1996. 154 p.
7. Shpet G.G. Iesteticheskie fragmenti. Stuktura slova. (Aesthetic fragments. The structure of word) – Moscow, LIBROKOM, 2010. 136 p.